

Вера Мир

Жизнь непредсказуема,
удача неслучайна

Н
о
с
л
у
ч
а
й
н
о
с
т
и

Вера Мир

Неслучайные случайности

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мир В.

Неслучайные случайности / В. Мир — «У Никитских ворот»,
2020

ISBN 978-5-00170-026-5

Творчество Веры Мир пронизано знанием жизни и любовью к художественному слову. Это новое направление, которое занимает особую нишу: на стыке художественной литературы, психологии и философии. Удачно заявив о себе в книге «Апельсиновый суп», автор, продолжая удивлять своей откровенностью, выпускает книгу «Притяжение добра» – повести и рассказы. Герои книги буквально оживают, и создается впечатление, что они твои близкие знакомые или друзья. Третья книга этого талантливого автора – повести, рассказы и стихи. Вера Мир вселяет уверенность, что из любого лабиринта можно найти выход, надо только знать, чего ты хочешь и зачем, при этом точно формулировать свои желания и любить людей, а не их любовь к себе. Книга иллюстрирована автором – очередной сюрприз для читателей, уже знакомых с этим удивительным писателем. Прочитайте «Неслучайные случайности», и в вашей жизни всё наладится, вы сами поймете, что и как надо делать. Для широкого круга читателей, начиная с подросткового возраста, и далее без ограничений.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-026-5

© Мир В., 2020

© У Никитских ворот, 2020

Содержание

От автора	7
Повести	9
Желание	9
И всегда есть надежда	16
Первая глава	16
Вторая глава	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вера Мир

Неслучайные случайности

Посвящается моим детям

© Вера Мир, текст, 2020

© Вера Мир, иллюстрации, 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

От автора

Дорогие читатели!

Рада вас приветствовать. «Неслучайные случайности» – моя третья книга: повести, рассказы и стихи.

Благодаря моим первым двум книгам, «Апельсиновый суп» 2014 года и «Притяжение добра» 2016 года, совершенно неожиданно в первую очередь для самой себя я стала писателем.

Главное для меня – человек, его переживания и поведение в неординарных и даже экстремальных ситуациях, а отношениям между людьми я уделяю особое внимание. Пишу в разных жанрах. В моих проектах есть и научная фантастика, и сказки, и книги для читателей от двух лет и старше.

«Апельсиновый суп» – книга о том, как мы растили детей, а они воспитывали нас.

Следующие мои работы— «Притяжение добра» и «Неслучайные случайности».

У меня есть такие слова:

*...Сюжеты, страсти, персонажи,
Для них распахнуто окно,
Неординарные пассажи,
И я как будто бы в кино!*

Литературные герои, попадая на страницы моих книг, обретают настоящую жизнь. Да, они оживают. Многое им предстоит пережить и понять. Надеюсь, что вы вместе с ними не будете скучать и откроете в своей жизни новое и интересное, найдёте ответы на свои вопросы, и вполне возможно, что-то в жизни вам станет понятнее. Не исключено, что после прочтения этой книги ваша Жизнь изменится к лучшему.

Меня спрашивают, где я нахожу сюжеты и персонажей, и как мне удаётся так точно писать о чувствах. Знаете, когда художник пишет картину, он какие-то лица берёт из жизни, кого-то придумывает, но стоит им попасть на холст, как они сразу становятся героями именно той ситуации, в которую их помещает автор. Примерно так и у меня. А сюжеты... я вижу, когда путешествую, смотрю сны, телевизионные передачи или разговариваю с людьми. Бывает, гляжу на то, как ветер срывает с дерева лист, светит солнце, падает снег, наблюдаю, как родители разговаривают со своими детьми или поёт церковный хор, как рассветает или темнеет... и в тот момент что-то со мной происходит. Вот и рождается сюжет... думаю коротенький рассказ, а получается повесть или песня. Порой вижу весь рассказ целиком, а бывает, только одного героя. И вот этот герой выходит из самолёта... и начинается его жизнь на страницах моих книг.

Трудно понять писателей, они же живут одновременно в нескольких мирах. Поэтому просто читайте и взглядывайтесь в лица героев.

На встречах с читателями меня всегда просят почитать стихи, поэтому в этой книге я представляю вашему вниманию мою поэзию. Одно из первых моих стихотворений я разместила в конце книги «Апельсиновый суп».

В разделе «Стихи» есть два очень дорогих мне произведения, их написал мой отец, Мстислав Мирошников, выдающийся учёный и прекрасный человек. Эти папины стихи я слышала с самого детства и очень их люблю. Эпиграфом к своей книге я взяла четверостишие из его стихотворения «Века страницами истории прошлестели», написанного в возрасте семнадцати лет, в 1945 году.

Хочу сказать спасибо моей семье. Именно семье я обязана тем, что стала собой.

Мир тесен и чудесен:)

Ваша Вера Мир

*Я знаю, миллионами человеческих жизней
Нельзя изменить крупинку мгновения.
Она необъятнее неба синего
И прекраснее вдохновения.*

М. Мирошников. «Века страницами истории прошелестели»

Повести

Желание

Лёва шел по улице Тверской в сторону Красной площади. Только что у него закончились переговоры с очень важным клиентом. Встреча, к которой он готовился, которую ждал, прошла удачно. И если дела пойдут так же хорошо, то ему определенно светит повышение. Настроение у Лёвы должно было быть прекрасным. Но радоваться не получалось.

В лицо дул ветер. Лёва поднял воротник и, держа под мышкой любимую кожаную папку, которую ему подарила Инга на день рождения, опустил руки в карманы.

Когда он шёл на переговоры, такого ветра не было, а может, он просто не заметил, потому что тогда ветер дул в спину. А сейчас его буквально сдувало с ног.

«Да что такое? – думал он, – откуда взялся этот ветер, надо было шарф надеть... Вечно я его забываю...»

Торопясь в офис, чтобы порадовать руководителя результатами, достигнутыми в процессе переговоров о дальнейших перспективах, он думал совсем о другом, пытаясь осознать то, что узнал о своём друге.

Никита учился, в отличие от Лёвы, не стараясь, не придавая особого значения знаниям, зато пользовался необыкновенным вниманием у женщин. Стоило ему только особым образом взглянуть на девушку, как та превращалась в мягкую и податливую куклу. Правда, пользовался Никита этим своим, как он его сам называл, магическим взглядом, крайне редко, а в последнее время и подавно бросил кружить женщинам головы, поскольку влюбился не на шутку.

На четвертом курсе в группу, где учились друзья, пришла Инга. Она брала академический отпуск по семейным обстоятельствам, и, пропустив год, вернулась в университет.

Приехала Инга из Екатеринбурга. Натуральная блондинка с огромными серыми лучистыми глазами, в которых можно было только тонуть. Оба парня и утонули. Внешности своей девушка значения не придавала, не осознавая, какая она хорошенькая. Этим она ещё больше притягивала к себе парней. Вот в такую прекрасную во всех отношениях девушку и влюбились оба друга, как назло. Вместе они одновременно и начали за ней ухаживать. В результате так и стали дружить уже не вдвоём, а втроём. Кому она отдаёт предпочтение, разобрать было нельзя, казалось, что она относится к ним одинаково.

После окончания университета они собирались поступать в аспирантуру. Это Инга придумала.

– Ребята. Я знаю, как вам откосить от армии, чтобы не потерять время. Не покупать же военные билеты. И я не хочу, чтобы в армии с вами что-нибудь случилось. Столько всяких кошмаров рассказывают про дедовщину, скверную кормёжку и разные ужасные горячие точки.

– И что ты придумала? – поинтересовался Лёва тогда.

– Пойдёмте в аспирантуру после универа.

– Без меня, – сказал Никита. – С ума сошли? Какая аспирантура?

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Я сама всё разужнаю. Я так вас люблю обоих. Не отдам вас армии.

Но в итоге поступать стали Лёва и Инга, а прошел один Лёва.

Инга устроилась работать на кафедре в университете, который они окончили, и серьёзно увлеклась театром. Нет, не смотреть спектакли, а собралась стать актрисой. Она начала посещать театральные курсы, ещё учась в университете. В результате через пару лет ей уже стали давать роли в спектаклях в новом театре-студии в Москве.

Лёва работал ведущим юрисконсультантом в известной фирме, одновременно учась в аспирантуре.

А Никита сразу после защиты дипломной работы неожиданно для всех поступил то ли в институт военных переводчиков, то ли ещё в какое-то военное учебное высшее заведение, точно никто не знал.

Лёва даже со своим осложнённым плоскостопием был годен по здоровью в армию, но служить не хотел, и аспирантура для него оказалась в этом смысле спасением. Наука его не интересовала, однако он учился, печатал статьи в журналах и писал свою кандидатскую без энтузиазма и удовольствия.

Никита, отучившись один курс, на год отбыл в неизвестном направлении. Потом, возвратившись, доучился, и постоянно уезжал, пропадая надолго. Когда появлялся, друзья обязательно встречались, а приезжал он не чаще раза в год, а то и реже.

И сейчас Лёва шел по Тверской, смотря вниз и даже ссутулившись, что было для него совсем нетипично, обычно он ходил настолько прямо, что казалось, будто его спина ещё немного – и изогнётся в другую сторону. Так ему хотелось казаться выше. В отличие от Никиты, который был под два метра, он вырос чуть выше метра шестидесяти.

В тот день Лёва узнал, что у его друга Никиты какое-то странное и неизлечимое заболевание, и ему даже страшно было думать об этом, сознание просто не принимало информацию о том, что Никита, высокий рыжеволосый мускулистый красавец, вдобавок ко всему ещё и остроумный, готовый помочь в любую минуту, скоро умрёт... Какая несправедливость. Да что там они себе думают, пробежали мысли. И кто они, собственно, Лёва не мог сформулировать, только почему-то к кому-то, к ним, были адресованы его думы.

Вспоминал Лёва, как Никита перед последним отъездом сказал ему, к тому моменту они уже прилично выпили:

– Ты, брат, давай дерзай, женись на Инге. Я неизвестно вообще, вернусь ли. Знаешь, меня предупредили, никому ничего... Но тебе можно. Ты ж... Да. Так вот, в стране меня не будет. Лёв. Ты, конечно, рот на замке и все дела... Ну, пойми. Это я только тебе могу сказать. Даже родители не в курсе. Им достаточно уже того, что я вообще в военные пошёл. Боятся они за меня, представляешь, один я у них.

– Понимаю их. Я из-за этого в аспирантуру поступил, не хочется покупать военный билет. И невоенный я человек.

– А я, как оказалось, вот наоборот. Но мои... я и не предполагал, что до такой степени гражданские. Мать плачет, батя хмур, как злой медведь.

– Никит. Ты думаешь, что медведи бывают добрыми?

– Бывают. В цирке, например. А еще... помнишь анекдот? Заяц идёт по вагону, кричит, кто на него. Медведь встает, и говорит, что он. Так заяц стал кричать, кто на них с Мишей. Ну вот. Ты – заяц. Я – тот самый Миша. Разве ж я не добрый?

– Смешно. Всё дурачишься. Вопрос-то серьёзный.

– Лёв. В общем, я отказываюсь от своей любви к Инге в твою пользу.

– Дурак? У меня – ни внешности, ни физической формы. Посмотри на меня. В свои двадцать четыре я уже лысею и рост мой... Нет. Я... не буду говорить, на сколько сантиметров ниже тебя. И всё остальное у тебя лучше и больше. А потом ты действительно добрый и...

Нет. Ты достойнее. И пусть Инга сама выберет. И я уверен, что выберет она тебя. Не согласен.

– Кремень ты, Лёвка, друг. Но ты слышал. И точка. Давай петь. – Никита взял гитару и так пел тогда...

Проводив Никиту, Лёва и Инга так и дружили. О своих чувствах он ей не говорил, любил потихоньку, помня про друга, а она и не знала, насколько сильно пересеклись дружба и любовь, и какую роль сама Инга играла в жизни парней.

О заболевании друга Лёва узнал в больнице, где тот лежал, поведал ему сам Никита.

– Сказали, что последняя стадия. Так... вот, друже.

– Что это за друже?

– Лёва. Это важно? А знаешь, я ни о чём не сожалею. Боли пока не чувствую. И совсем не боюсь. В жизни своей недолгой я столько повидал. На моих глазах одному парню руку оторвало, а другому, Лёва, голову снесло. Жуть, короче.

– Да где ты был-то?

– Этого тебе лучше не знать. Но я там был, и, считай, жизнь моя намного дольше твоей. Вот и всё.

– Надо ещё раз проверить. Не может быть. Выглядишь совершенно здоровым. И бывают же чудеса.

– Ты сам-то что, веришь? Может, и бывают, но не в моём случае. У меня как-то без чудес жизнь прошла.

– Что это ты себя хоронишь раньше времени. У моего шефа такие связи. Я сейчас его наберу. Подключим лучших врачей.

– Не парься. Тут лучшие врачи. В нашем ведомстве плохих не держат. В этом будь спокоен. И так уже все подключены. Я знаю, какой ты друг.

– А Инга в курсе?

– Нет. Нужно ей, кстати, сказать. Только не надо меня жалеть. Сказали, осталось несколько месяцев мне. Видишь. Наш вопрос сам собой и разрешился. Твоя Инга. Зря ты терялся. Вы хоть с ней целовались?

– Ты что, думаешь, я гад?

– Значит, так. Идёшь и делаешь ей предложение, а то вон, уже весь лысый, а жены ещё нет.

– Это ты зачем? Знаешь ведь, как я переживаю, у тебя вон какая шевелюра...

– Лёва. Меня не будет скоро вместе с моей шевелюрой, а ты со своей лысиной будешь жить долго с Ингой и вашими детишками. И потом. Вот что я тебе скажу. Лысину надо носить гордо. Посмотри вокруг. Мужики специально бреются, чтобы быть лысыми, а тебе Бог такой подарок сделал.

– Ты не исправим. Как можно так шутить? Нужно разбираться с твоим здоровьем.

– Про лысину я на полном серьёзе сказал. Ты же – альфа-самец.

– Я?

– Да. Женщины не красивцев выбирают, а умных. А ты как раз умный. Ну, а я... Просто красивый цветок, и к тому же не многолетний.

– В спецслужбы глупых не берут.

– А ты умнее. Не спорь. С умирающими не спорят. Ладно. Ты давай иди, а то устал я что-то. И надо морально к новому курсу обследований подготовиться.

– Значит, диагноз не окончательный?

– В общем-то да, но это, брат, фактически соломинка, за которую они хватаются.

– А ты?

– Я? Я – фаталист. Чему быть, того не миновать.

Вот о чем вспоминал Лёва. Из задумчивости его вывел приятный женский голос:

– Молодой человек, – услышал он и почувствовал руку на своём плече, – извините меня, Бога ради. Вы не подскажете, где здесь аптека?

Лёва остановился и обернулся. Перед ним стояла женщина. Она была настолько несуразной, что Лёва смотрел на неё и сначала не мог вымолвить ни слова. Первое впечатление ввело его в странное состояние ступора, и из головы вылетели абсолютно все мысли, он будто оказался наедине с этим невообразимым существом женского пола неопределённого возраста в межвременье, совершенно забыв, где он находится.

На женщине был бежевый плащ, из-под которого выглядывал тёмно-зеленый бархатный домашний халат, на ногах – бордовые резиновые сапоги. Спутанные, торчащие, рыжие с проседью волосы, и на макушке непонятным образом держалась ярко-синяя беретка, которая, казалось, вот-вот упадёт. Намотанный на шею жёлтый шарф развевался на ветру, и в довершение всего на ней были разные перчатки – одна красная, другая фиолетовая.

Все вещи были недешёвыми и аккуратными, но женщина выглядела, как дорогое пугало, на которое беспорядочно надели всё, что под руку попало.

– Молодой человек, прошу прощения, подскажите, пожалуйста, как мне пройти в аптеку, – повторила она свой вопрос, и в её зеленых глазах Лёва увидел такую мольбу, что опомнился и проговорил, показывая рукой в ту сторону, откуда он шёл:

– Аптека там, я её проходил.

– Мне надо что-нибудь для головы, памяти у меня совсем нет. У меня ведь муж умер, неделю назад похоронила Витеньку моего. Какие мне таблетки для памяти, мил-человек?

– Как зовут вас, уважаемая?

– Ирена Михайловна.

– Какое имя у вас красивое.

– Вот и Витенька мне так сказал, когда мы познакомились. А теперь его больше нет. И память моя...

– Помочь своей памяти вы можете только сами, Ирена Михайловна, – участливо сказал Лёва, совершенно забыв о Никите, Инге и что торопится в офис.

– Вы думаете?

– Да. Вижу, что вы – добрая и образованная женщина. Только вам нужно для начала разложить свои вещи по сезонам и одеваться по погоде.

– Знаете, мне всё равно, что носить. Витеньки, мужа моего, больше нет. Кому я нужна?

– Ему бы точно не понравилось, что вы говорите. Как это всё равно? Жизнь продолжается. Сейчас нужно носить тёплые вещи, а вы – в лёгком плаще. В домашнем халате нельзя на улицу выходить. И резиновые сапоги у вас очень красивые и модные, только сейчас нужно зимнюю обувь надевать.

– Да. Я собиралась заняться своими вещами, но сначала решила сходить в аптеку.

– Память у вас есть, она не может вот так пропасть, это временный сбой, чтобы легче было горе переносить.

– Вы так думаете?

– С моей бабушкой похожее было, и всё восстановилось.

– А как? Таблетки?

– Вам нужно таблицу умножения повторить, стихи поучить наизусть, это поможет восстановиться.

– Садитесь, пожалуйста, Ирена Михайловна, – сказал Лева, показывая на лавочку.

После неё он тоже сел, достал из папки блокнот и стал писать.

– Это вам стихи, мои любимые.

– Ваши? – спросила она, улыбаясь.

– Что вы, Есенина. А ещё очень хорошо вам примеры порешать. Надо учебник купить, думаю, за третий класс, в самый раз. Чтобы потренировать память. Пойдёмте, я вам куплю, тут совсем недалеко магазин педагогической книги.

Он привстал, собираясь идти за учебником.

– Не беспокойтесь, у меня дочка – учитель, я её попрошу.

Лёва сел обратно, продолжая писать.

– Лёва, вы очень добрый и хороший. И за то, что пожалели меня, не отмахнулись, проявили чуткость бескорыстную, вам – вот что. Всё, что ни пожелаете, сразу же исполнится. И желаний можно загадывать сколько угодно. Но если исполненное желание назад вернуть захотите, то оно вернется, и тогда... останется всего одно желание.

– А откуда вы знаете моё имя, я же не говорил? – спросил Лёва, поворачивая голову, чтобы посмотреть на странную незнакомку, но там, где она сидела, никого не было.

Обернувшись, он тоже никого не увидел. Встал. Было непонятно, куда делась Ирена Михайловна. Улица как улица: люди, машины, дома. Не показалось же ему? Он посмотрел на блокнот, не было там никаких стихов, но присмотревшись, заметил, что листок вырван.

– Хрень какая-то. Но как? Гипноз? – проговорил Лёва довольно громко, так, что проходящая мимо девушка ему улыбнулась.

Закрыв блокнот и убрав его в папку, он положил ручку в карман и пошёл в офис.

– Надо же, расскажешь кому, засмеют... – думал он, постепенно переключаясь опять на свои мысли о том, как рассказать Инге о болезни их общего друга, и очень быстро пошёл. Удивительно, но ветер прекратился.

Лёва посмотрел на часы, прошло всего десять минут, а ему показалось, что времени прошло гораздо больше.

– Да, хорошо бы мне такие волосы, как у Никиты, и чтобы такой же пробор, ээх... – вздохнул Лёва, – какую чушь она несла про желания. Если бы это и вправду было возможно.

Он зашёл в «Шоколадницу» в Камергерском, сел за столик. Заказал ланч и пошёл в туалет. Когда мыл руки, взглянув в зеркало, вздрогнул: на него смотрел он, но не лысеющий, а с густыми рыжими волосами, в точности как у Никиты, с таким же небрежным пробором направо.

– И что? Это не сон? Ирена Михайловна мне не привиделась, и что я захотел, тут же сбылось? Чушь собачья. Зачем это мне? – говорил он, снова намывивая руки и снова смывая.

– Нет. Пусть будет моя лысеющая голова, как было раньше.

Вымыв руки, он снова взглянул в зеркало: на него смотрел он сам, обычный лысеющий Лёва, каким он и был всегда.

– Что, у меня галлюцинации? Ведь этого не может быть. Ну и денёк. Всем денькам денёк.

Выйдя из туалета, Лёва направился к своему столику. Ему принесли ланч и чайник с чаем. Он налил в чашку и выпил большими глотками, не отрываясь. Потом стал быстро есть, не замечая вкуса, вспоминая странную встречу.

– Что она там говорила перед тем, как исчезнуть? – пробегали мысли.

И ясно услышал молодой и очень приятный голос странно одетой и показавшейся ему совершенно растерянной женщины:

– Лёва, вы очень добрый и хороший. И за то, что не отмахнулись, проявили внимание бескорыстное к нуждающейся в чуткости, вам – вот что. Всё, что ни пожелаете, сразу же исполнится. И желаний можно будет загадывать сколько угодно. Но если исполненное желание назад вернуть захотите, то оно вернётся, и тогда... останется всего одно желание.

– Пусть Инга меня полюбит... Нет. Не может быть. Нет. Что же я за сволочь такая? Никита умирает, а я... просто скотина и всё. Пусть будет здоров Никита! Если это и правда исполнение желаний. Должна же быть справедливость.

Пришло уведомление в Whatsapp от Инги. Он его открыл:

– Лёва. Знаю, что ты занят, но больше молчать не могу. Решила тебе признаться. Я тебя люблю. Только не надо мне сейчас отвечать. Встретимся после того, как вернусь, уехала в Екатеринбург, у мамы – юбилей. Тебе отправляю сообщение и выключаю мобильный, я в самолете, мы уже на взлётной полосе. Да. Вот так. Я тебя люблю. Хочу, чтобы ты это знал. Прошу, не отвечай мне, в любом случае, если ты меня не любишь, я всё равно тебя буду любить всегда. Встретимся в семь часов вечера через неделю в нашем кафе на Гоголевском бульваре, где мы всегда обедали втроём, ты, я и Никита.

Лёва не знал, что ему чувствовать. Это было какое-то межсостояние. Доедать не хотелось, он выпил ещё чая, расплатился, оделся и вышел на улицу. На автомате пришёл в офис, спокойно доложил о результатах встречи и ушёл, не дожидаясь конца рабочего дня, сказав, что поехал к клиенту.

Неделя пролетела, работы было столько, что Лёва не знал, за что хвататься. Проблемные дела все скидывали на него, зная, что он вытянет даже самое гиблое. Выиграв два дела и занимаясь третьим, он и не заметил, как настал тот самый день, о котором говорила его любимая.

Когда он выходил из офиса, то в дверях встретился с Никитой. Тот был красив и весел.

– Тебя отпустили из больницы? Что ты тут делаешь?

– Старик, уезжаю сегодня в ночь. И когда мы увидимся, не знаю, зашел попрощаться.

– Поясни. Я не...

– Знаешь, в тот день, спустя какое-то время после твоего ухода ко мне пришли врачи, что меня обследовали, и сказали, что произошла какая-то нелепая невероятная ошибка, и я совершенно здоров. Так меня ошаршили, тебе звонить не стал, решил отложить на неделю. Кто их знает, вдруг опять ошибка. Меня выписали три дня назад. И на службе, конечно, сразу же – командировка. Сам понимаешь, что за работа у меня. Перед отъездом хотел тебя увидеть и узнать у тебя одну вещь. С Ингой объяснился?

– Слушай, Никит, а во сколько?

– Что во сколько?

– Точно не помнишь, во сколько к тебе пришли врачи?

– А. Скажу. Мне же Инга прислала сообщение, что полетела к родителям, и что сегодня вы с ней обедаете вдвоем, чтобы я не обижался.

– Она мне тогда же тоже прислала сообщение, прикинь, объяснение в любви. Я и не знаю, что думать теперь.

– Что? Что получилось? Что она тебя любит? Я же говорил тебе, ты – альфа-самец. Женщины таких не пропускают. Да. А мне не рассказала о своём объяснении. Эх. Но, надеюсь, друзьями останемся с вами обоими. На свадьбу приехать постараюсь, но не обещаю. Женитесь быстрее. Везунчики.

– Слушай. Но ведь оставалось только одно, а сбылись оба. Представляешь?

– Лёва? Может, тебе в отпуск пора? А?

– Ладно. Не обращай внимания. Спасибо тебе. Приглашение на свадьбу пришлём. Будь. Я рад, что ты жив и здоров. А говорил, что чудес не бывает.

– Иди ты. Ошибка, говорю же тебе. Ошибка у них там вышла. Давай. Погнал я. Служба, брат. Про свадьбу сообщи. У меня переадресация будет. Пиши на мой номер. Везёт лысым, – сказал он, запустив руку в свои рыжие густые волосы.

Они обнялись. Никита сел в машину и умчался в неизвестном направлении.

Лёва купил любимые Ингины цветы, пришёл в кафе на десять минут раньше. Цветы положил на стул и задвинул его. За годы знакомства он думал, что изучил сероглазую блондинку Ингу. Она часто говорила, что ей нравятся высокие брюнеты, играющие на саксофоне, занимающиеся альпинизмом и пишущие стихи. Оба её друга никоим образом не укладывались в данные критерии, и со временем привыкли к тому, что они ей не подходят.

Зная, что она опаздывает всегда не менее чем на пять минут, Лёва заказал себе двойной эспрессо. Попивая горячий и крепкий напиток, он никак не мог понять, как же так получилось, что Инга ему сама призналась, и почему она таким образом решила встретиться с ним? Как можно быть такой самоуверенной и властной?

Инга в тот раз пришла вовремя. Лёва встал, отодвинул стул, на котором не было цветов, Инга села. Она была ослепительна и глаза её казались больше и яснее, чем раньше.

Несколько мгновений они сидели молча, но потом Лёва, спохватившись, вскочил, схватил букет, встал на колени и протянул Инге коробочку с колечком.

– Я люблю тебя, будь моей женой.

Она заплакала.

– Ты что?

– Это я от радости. Думала, вдруг ты все-таки не...

Они сели напротив, он взял её руку и тихо спросил:

– Скажи, когда ты поняла, что меня любишь?

– С того момента, как тебя увидела.

– Как? Ты же говорила, что тебе высокие нравятся, да ещё и брюнеты и...

– Это чтобы тебя подзадорить, разозлить, чтобы посмелее стал. А ты так и не расчухался, пока я сама тебе не призналась. Такой ты мне достался, что тут поделаешь.

– А Никите когда скажем?

– Я ему уже написала, пока шла сюда, и он прочитал. Ответил «ОК». Он же немногословен, агент. Нашел человек своё призвание.

– И я тоже сказал, сегодня его видел, он опять уехал в командировку.

– Я знаю. И про странную его болезнь знаю, неожиданно прошедшую. Мне его мама рассказала. Она очень хотела, чтобы мы с ним были вместе, он же меня любит. Ты знал?

Лёва кивнул.

– Дела... – проговорил он, – и как мы будем нашу свадьбу отмечать?

– Тебе и карты в руки. Я сделаю так, как ты скажешь, – улыбнулась Инга.

Он взял её руку и приложил к своим губам.

И всегда есть надежда

Первая глава

Семёновна сидела за столом, глядя на экран своего старенького телевизора, и, не прислушиваясь, наблюдала за лысеющим мужчиной лет сорока, с дежурной улыбкой сообщаящим новости, которые никоим образом её не волновали. Пульт лежал на другом конце стола, и ей совершенно не хотелось за ним тянуться, чтобы выключить телевизор или переключить на другую программу. Почему-то подумалось о том, сам ли диктор делает себе эту причёску или в парикмахерской, и что ему лучше бы побрить голову налысо, а не зачёсывать редкие волосы, сквозь которые видно кожу головы. Но на самом деле ей было наплевать и на ведущего, и на его проблемы, а вот на свою странную и непутёвую, почти зашедшую в тупик жизнь, как оказалось, нет.

В тот день Семёновне исполнилось пятьдесят семь лет. Получился настоящий день рождения, хоть и пришла к ней лишь Наташа, соседка и по совместительству единственная её подруга, живущая этажом выше, с которой они были знакомы с момента заселения в свои квартиры. И теперь, после ухода гостя, именинница опять осталась в одиночестве.

Семёновна и Наташа обе были незамужними.

Семёновна – среднего роста, худощавая, с русыми прямыми волосами, которые распались на почти прямой пробор. После сорока, когда увидела у себя седые волосы, купила хну и методом проб и ошибок подобрала почти свой природный цвет. В парикмахерскую ходила примерно раз в четыре месяца, просила подрезать волосы на четыре-пять сантиметров. После стрижки два месяца носила волосы распущенными, а потом убирала в хвост до следующей стрижки.

Наташа – женщина высокая, очень худая и узкоплечая, стриглась коротко, никогда волосы не подкрашивала. От природы она была брюнеткой. Слева седых волос было гораздо больше, чем справа. Поэтому издали вообще казалось, что у неё на голове клоунский парик. Складывалось впечатление, что в зеркало Наташа заглядывала крайне редко.

Впервые за много лет они посидели за столом, выпили вина и разговорились. И именно после такого доверительного общения Семёновна, вдруг увидев себя со стороны, совсем раскисла.

Стол, застеленный клеенчатой скатертью в мелкий серо-голубой цветочек и заставленный полупустыми тарелками, убирать женщина не торопилась, да и спешить ей было некуда.

На работе её сократили, а пенсия получилась, мягко говоря, небольшая. Все места, не требующие квалификации, были заняты. И теперь, не находя себе применения, Семёновна старалась понять, как же так промчались молодые годы. А может, это всё сон, и вот сейчас она проснётся и пойдет с мамой копать картошку, – как-то не по-взрослому думалось ей, – и не будет никаких своих забот?

Недавно Семёновна устроилась курьером в одну фирму, взяли её неофициально, и даже что-то заплатили. Однако работать там она не смогла из-за огромного количества поездок. В общественном транспорте она чувствовала себя потерявшимся в лесу ребёнком.

Устраиваться снова в детский сад она категорически не хотела.

Для работы контролёром в транспорте была необходима строгость, бойкость, подозрительность и непримиримость, а она была робкой, доверчивой и имела слишком мягкий характер.

Работа кассиром требовала повышенного внимания при обращении с деньгами, за которые необходимо нести ответственность, а это её просто пугало.

Всё, что ей предлагали на бирже труда в течение нескольких месяцев, её не устраивало. Два раза она уже отказалась. Ещё один отказ – и её снимут с учёта.

Также думала Семёновна о том, что, кроме Серёжи, не было у неё ни одного мужчины. Счастья не получилось, а жизни уже почти не осталось. Сидела она и ныла душой, жалея себя, бедную, одинокую, никому не нужную.

В эту однокомнатную квартиру они с Сергеем въехали, когда им было по двадцать шесть лет, они были молоды. Тогда они и стали москвичами.

А когда-то давно, порой ей даже казалось, что не с ней это происходило, Семёновна, проучившись два года в педагогическом училище в тогдашнем Ленинграде по специальности «дошкольное воспитание», перевелась на заочное отделение, чтобы помочь матери, и, вернувшись в свою деревню, устроилась в детский сад в ближайшем посёлке работать нянечкой, а после окончания училища – стала воспитательницей. По молодости, учебу не продолжила. Некому было подсказать, что надо получить высшее образование. Учеба казалась деревенской девушке потерей времени, однако читать книги ей нравилось с детства.

Сергей же приехал в поселок, где работала Семёновна, после службы в армии, и устроился электриком в тот же садик. Встречаясь на работе каждый день, они присмотрелись друг к другу, через несколько лет справили свадьбу, и вскоре после женитьбы уехали покорять столицу.

В Москве молодожёны сначала мыкались по общежитиям, но когда Серёжу взяли электриком в ЖЭК, а Семёновна нашла место воспитательницы в детском садике, им дали служебное жильё. Обычно такие квартиры работникам ЖЭКа выделяли на первом или последнем этаже, а молодожёнам повезло получить на предпоследнем, восьмом. Поскольку детей у них не было, то получили они однокомнатную, зато с большой комнатой с двумя окнами и просторной, как им казалось, кухней. Даже была прихожая и кладовочка, куда умещался пылесос и раскладушка, на случай если гости останутся на ночь. Только гости к ним как-то не ходили, и раскладушку они почти не использовали.

Район, где они получили квартиру, был непрестижный, однако их радости не было предела. Казалось, вот оно счастье, наконец-то, само в руки пришло.

Старой Семёновна себя не считала, но отчего-то щемило внутри и сжималось, то ли от жалости к себе, то ли от непонимания того, что происходило вокруг. Мир преобразался так быстро и стремительно, что она уже давно перестала успевать за изменениями и новыми технологиями.

Со временем их квартира из служебного жилья перешла в жилищный фонд, и они с Серёжей её даже приватизировали.

Муж Семёновны всегда любил выпить, а работая электриком, пил всё больше и чаще. Постепенно запил серьёзно и бесповоротно. В результате в сорок с небольшим буквально угас. Человеком он был добрым, безобидным, отзывчивым и абсолютно безвольным. Всем помогал, и зарабатывал неплохо, только деньги все пропивал. Хватало лишь на еду, и то без изысков, и на самое необходимое.

Семёновна пыталась составлять мужу компанию, но выпить могла только немного сухого вина, от более крепких же алкогольных напитков покрывалась красными волдырями, а в таком виде с детьми работать было никак нельзя. Сергей продолжал пить и без неё, а Семёновна от одиночества пристрастилась к чтению. Заводить новых знакомых она не умела, а друзей детства жизнь разбросала по стране, ни с кем из них она отношений не поддерживала.

С соседкой с девятого этажа они приятельствовались, сошлись на почве безвредности характеров, общались нечасто, однако друг друга поддерживали.

И получается, что, если бы не книги, то Семёновна совсем была бы в жизни одинока. Так и мир познавала, и с людьми в книгах общалась, правда, безответно. Книги брала в библиотеке,

которая располагалась неподалеку от их дома. Там её уже знали и всегда радовались, когда она, сдавая сразу несколько книг, приходила за следующей партией.

С Серёжей они жили мирно, почти не разговаривая, только: «Уху, аха, не-а... привет, пока...», – ещё спрашивали друг у друга, сколько денег осталось, которые у них всегда были общими. Ели мало, из вещей покупали что-либо крайне редко. Сначала муж её выпивал с работниками ЖЭКа, а потом уже один, без собутыльников. О чём думал Серёжа под влиянием алкогольного опьянения и думал ли вообще, Семёновна не знала.

Дом и землю, что у них остались в посёлке, где Семёновна и Сергей встретились и поженились, они приватизировали, в чём им деревенские власти помогли по старой памяти, потому что работниками они были хорошими, людьми незлыми и безобидными. Однако туда супруги ездили редко, и то чтобы сходить на кладбище к родителям Семёновны. С годами и вовсе она стала ездить одна, один раз в год, а то и в два.

Сергей говорил всё меньше, пил всё больше, а его жена погружалась в мир чтения, находя там ответы на свои вопросы. Читала она в основном классику российскую и зарубежную. Пыталась брать в библиотеке и детективные, и женские романы, но после одних ей снились ужасы с окровавленными телами, а после других она так плакала, что глаза краснели. Получалось, что организм её отторгал детективные, женские романы и алкоголь. В итоге единственной её отдушиной стала классическая литература и ненавязчивое общение с дружелюбной соседкой. Благо, что в библиотеке классической художественной литературы было предостаточно. Да, ещё она читала сказки и фэнтези. Особо понравившиеся книги стала покупать, когда они начали появляться в продаже, и ставила в шкаф, который они с Серёжей купили, когда только въехали в новую квартиру. В результате получилась небольшая библиотека. В основном литературные произведения Семёновна приобретала в мягких обложках, зато все свои книги она читала и очень любила. О том, что прочитала все книги про Гарри Поттера и сказки английских, американских и других зарубежных писателей, она никому не рассказывала, да и не с кем ей было делиться.

Соседка её, наоборот, читала лишь женские романы, а у Семёновны они только место занимали, вот она их постепенно подруге и отдавала. О книгах они никогда и не говорили, но книжки Наташа принимала с радостью и благодарностью.

Думая о своей жизни, Семёновна понимала, что начиналось-то всё неплохо и спокойно, а почему оборвалось, так и не продолжившись, для неё оставалось загадкой, на которую, как она считала, отгадка где-то есть, но в какой книге её искать – не знала. И отчасти поэтому читала ещё больше и увлечённое, отдавая этому занятию всё свободное время, а его-то у Семёновны было предостаточно.

С Серёжей в начале всё шло у них по-людски. Жили, не ругаясь, без явных противоречий. Но алкогольная зависимость ведь не разбирает, кого губить, а кого – нет, берёт всех, кто не сопротивляется и отдаётся ей полностью.

Лечить мужа Семёновна и не пыталась, молчаливо приняла страстную его любовь к пьянству. Так он и пил. С работы его не увольняли, потому что был уже испытанным работником и даже с похмелья мог с закрытыми глазами всё починить, никогда не буянил и не хулиганил, на работу приходил вовремя, при этом пил постоянно. То есть состояния трезвости у него просто не наблюдалось. Такой вот запойный умелец. Уникальный в своём роде алкоголик, можно сказать, талантливый, и пил, и работал, и на своём месте был хорошим специалистом.

Сергей никогда не повышал голос и не ругался. Особенно много пил на ночь. Напьётся и спит. Худел и худел, усыхал, будто таял; голос его становился все тише. Однажды заснул на лавочке у дома зимой.

Так у Семёновны не стало мужа. Она почти и не горевала, только немного поскучала по его тихому сопению, потому что и с ним была одинока. Детей они не назвали. Ни разу не получилось забеременеть. И вот теперь, спустя столько лет жизни, она впервые пожалела о

том, что нет у неё ни дочки, ни сыночка. И как-то вдруг стала сожалеть об упущенных годах и возможностях. Не могла она понять, как так вышло, что ей и поговорить-то не с кем. Только с Натальей она и могла чем-то поделиться.

Наташа была не замужем, тоже жила одна. С недавних пор соседка стала подкармливать большого бездомного пса, считая, что если он сыт, то и не опасен. Это был кобель дворовой породы с обвислыми ушами, местами свалывшейся чёрной шерстью и очень умными глазами. Пёс не только узнавал Наташу, он ждал каждый день именно там, куда она ему приносила остатки своей еды. Она назвала пса Диком, и он отзывался.

Раньше соседки по душам-то и не говорили. А в тот день почему-то им обоим захотелось поделиться. Вернее, начала Наташа, Семёновна разговор и поддержала. А может, под влиянием алкоголя, раньше-то они ни разу так и не сидели. А тут – и вино, и закуска. И... слово за слово, узнали они друг о друге много того, что раньше их и не интересовало. Именно в тот день они из соседок превратились в подружек.

– Знаешь, Семёновна, хотела бы я построить большой дом, взяла бы Дика к себе, – говорила соседка мечтательно.

– И зачем это тебе?

– Представляешь, недавно заболела я и какое-то время не приходила, когда выздоровела, выхожу из подъезда, а он около нашего дома сидит. Нашёл меня.

– Кто?

– Дик. Ты что, не слушаешь меня, что ли?

– Слушаю, слушаю.

– Так вот, он такой молчаливый, немного поскуливает, будто сказать что-то хочет, даже не лает никогда. И мы без слов друг друга понимаем.

– А где твой пудель серый? Вы с ним так похожи.

– Сдох Пусик.

– Надо же, Пусик. От чего?

– Имя как-то само к нему прилипло. Пусиком он и был. Сдох, думаю, от старости. Я же его подобрала семь лет назад, а сколько ему тогда было, и не знаю. Глупенький такой, но добрый. Как твой Серёжа, Царствие ему Небесное.

– Э. Ты Серёжку не трожь. Скажешь тоже, глупый. Он умным был. На все руки мастер и в электричестве разбирался будь здоров, всё мог наладить.

– Что же он жизнь свою не наладил? Это руки у него были умные, а сам – глупый. Зачем пил? Вот скажи, зачем?

– Видно, на роду написано. Такой его выбор.

– Ведь он лет пять назад как помер?

– Шесть.

– И на что ты живёшь? Неужто на одну пенсию? И почему мы никогда с тобой о своих работах не говорили?

– Не знаю, не говорили и всё. Да. Пока на одну пенсию. Никак работу не найду. А ты? – в ответ спросила Семёновна, удивляясь про себя, почему они по душам ни разу не разговаривали, хоть знакомы столько лет.

– Убираюсь в приюте для брошенных животных. Сначала волонтером там работала, а потом они мне предложили постоянную работу.

– И что, платят нормально?

– Мало, конечно, но вместе с пенсией ничего, жить можно. Зато я рядом с животными; они не пьют, не врут, не сплетничают, во всех отношениях лучше людей. Знаешь, я жалею, что не собака. Придумали же пол менять, а почему не придумали переделывать людей в собак, например? Я бы хотела.

– Наверное, ты – единственная, кто этого хочет, вот и не придумали. Мне тоже надо бы подрабатывать, но ничего не могу придумать. Образование у меня слабоватое, а возраст такой, что не берут никуда на работу. А то, что предлагают на бирже, мне не нравится. Туалеты мыть не хочется. Убираться у кого-то или где-то... не особо я умею убираться-то. Даже вязать не научилась, а то б носки вязала и продавала.

– На носках нынче не подработаешь. А потом что это ты – образования нет. Ты же с дошколятами вроде бы занималась. Училище окончила. Наймись за детишками у кого-нибудь ухаживать.

– Знаешь. Не могу я с детьми больше. Своих хочу. Но как? Мужа нет. Денег нет. И родить уже поздно. Вон в моём возрасте у людей уже внуки... А я ребёночка хочу.

– Это на тебя так вино действует? Зачем тебе ребёночек? Сдурела на старости лет? Мужа от пьянства не смогла уберечь. С детьми знаешь какие проблемы? Вон, посмотри вокруг... Как только из коляски вылезут, сразу хулиганами становятся или проститутками.

– Знаешь, Наташ, давай расходиться, что-то не могу я с тобой говорить.

– Ладно, ладно. Не буду про детей. Ты первая начала, между прочим. Собаку заведи.

– Нет. Это не для меня.

– Котика. Только его обязательно надо кастрировать, а то будет метить всё. У нас в приюте, как берут котиков с улицы, так сначала кастрируют, а потом уже пытаются пристроить.

– Не хочу я никаких животных, тем более кастратов.

– Тогда пойдёшь вон поучись чему-нибудь, небось, все на свете книги прочитала. Посмотри, курсов разных сколько... Я так, например, не люблю учиться, зато животину люблю, и работу себе нашла под стать. А что? Мне нравится. Семёновна, просто ты работать не любишь, вот и не можешь ничего найти. Хочешь, к нам устрою? Или всё-таки зверушку возьми какую-нибудь, во... рыбок заведи, говорят, успокаивает...

– Ну уж нет. С животными у меня нет желания возиться, ни в приюте, ни тем более у себя дома.

– В общем, законченный ты эгоист, так я тебе скажу. Поэтому и не клеится у тебя ничего.

– Эх. Если бы было две комнаты у меня, можно было бы жильцов пригласить. Дом, конечно, можно в деревне сдавать, только он в таком ужасном состоянии, почти развалился совсем, надо бы отремонтировать, но денег нет. За что ни возьмись, всё не слава Богу.

– Если бы... Распричиталась. Смотрите на неё. Желания у тебя нет, вот и киснешь. В книгах жить нельзя. Выходи давай на свет Божий из литературы. И прекрати нюни распускать, подруга. Пойду. Ты не обижайся на меня, если что-то не то сказала. Слышь? Поздно уже, а мне вставать ни свет ни заря, Дика кормить, потом в приют ехать. Возьму его к себе, завтра же и возьму. Нагляделась на тебя, наслушалась твоего нытья. Тоска. Прекращай ныть, а то... жалко тебя.

– Ладно. Именинников нельзя ругать. А вообще-то, ты права. Что-то надо придумывать мне. Заходи, не забывай. Спасибо, что поздравила, одна ты со мной и общаешься, – тихо сказала Семёновна, вздыхая.

– С днём рождения тебя, соседка. Не хнычь. Жизнь сама укажет, что делать, а чего не делать. Вот вспомнишь мои слова. Ну, пока. Да, есть у тебя книга хорошая для меня, знаешь ведь, что я обожаю, когда про любовь врут? Дай почитать что-нибудь.

И именинница подарила ей ещё одну книгу.

Через несколько дней Семёновна заболела и с высокой температурой попала в больницу. Там рядом с ней оказалась бабулька. Шустрая такая. Они разговорились о жизни одинокой, о пенсии маленькой, та и говорит:

– А ты нищенствовать не пробовала?

– Как это?

– Одеваешься бедно, но аккуратно, лицо должно быть доброе, но скорбное, потренируйся перед зеркалом. Лучше обойтись без речёвок, это особое искусство, боюсь, не потянешь. Вялая ты какая-то. Видно, цели у тебя нет.

– Как это вы так быстро разглядели?

– Глаз у меня наметанный, – хитро улыбаясь, говорила бабулька, оглядываясь. – Видишь ли, чтобы овладеть, как нужные струны задевать, необходимо курсы специальные проходить, а туда не всех берут. Ты, я смотрю, бабенка чистая, кроткая.

– Что же мне делать-то? – как замороженная спросила Семёновна.

– Тебе и так будут подавать, как пить дать, будут. Глаза у тебя потухшие. Из тебя идеальная нищенка выйдет. Платочек прямо на лоб надвигаешь... а знаешь, тебя и так жалко, можно и без платка обойтись. Берешь стаканчик картонный или пластмассовый, и стоишь. Наберётся мелочи четверть стакана, пересыпаешь, оставляя несколько монет, и дальше просишь. Встаёшь там, где много людей ходит в обе стороны. Только долго не стой, чтобы не засекали профессионалы.

– Какие профессионалы? Полиция, что ли?

– Да нет, которые этим живут. У них же бизнес такой.

– А вы откуда знаете?

– У меня одна знакомая на них работает. Уже, почитай, лет пять. Но это сложно. Ей денег надо много, сыну на квартиру новую копит. А тебе ведь только на то, чтобы к пенсии немного добавить, для этого не надо ввязываться в кабалу к кому-то «толстому». Я так их называю, бизнесменов, что этим промышляют.

– Ой, как вы говорите интересно.

– С моё поживешь, не так заговоришь. Я ведь в больницу каждые три месяца ложусь для экономии. Но ты молодая ещё, и здоровая, как я погляжу. Мужика тебе надо хорошего. В твои годы это самое оно, – сказала она, подмигивая и улыбаясь.

– Ой, скажете тоже. Мне же пятьдесят семь стукнуло.

– Эх, Семёновна, разве ж это возраст? Ну, рожать, конечно, поздно, а вот мужика найти – самое время. Давай контактами обменяемся, мобильник-то есть у тебя. Ничего, что на ты?

– Знаете, я так вам рада, вы мне столько всего нового и интересного рассказали.

Она достала свой кнопочный мобильник, чтобы записать номер новой знакомой.

– Короче, про остальное расскажу позже, не всё сразу, как говорится в народе. Понищенствуешь, телефон себе купи нормальный. Что это у тебя? Это ж прошлый век какой-то, ей-Богу. В Интернет с твоего не войдёшь и вообще. Как ты без Интернета обходишься? Там столько всего... Столько... получше телевизора будет. А когда не нищенствуешь, улыбайся давай, сразу смотришься по-другому. Улыбайся, и не только ртом. Глазами, глазами, изнутри светись, мужики на это знают как клюют, – говорила неожиданная знакомая, – ладно, мне надо позвонить. Извини, дорогая. Позже договорим.

Семёновна лежала на больничной койке и думала, где же ей встать со стаканчиком. И почему-то стало светлее на душе.

Вспоминая слова бабульки, оказавшейся такой опытной женщиной и посоветовавшей ей, что надо поездить, поискать места, где можно безопасно постоять в течение нескольких часов со стаканчиком, она стала мысленно намечать свой разведывательный маршрут.

Выписавшись из больницы, Семёновна, сразу и занялась поисками удобных точек для нового приработка. Она наметила опорный пункт недалеко от метро «Проспект Мира», ещё – на выходе из метро «Новослободская», из «Баррикадная», и несколько других точек, в разные стороны от центра.

Какое-то время она наблюдала за нищими. Помня, как их классифицировала соседка по больничной койке, наглядно изучая процесс нищенствования, догадывалась, кто сам по себе, а кто, как говорила её новая знакомая, на службе у «толстых».

Те, кто для себя выпрашивает у сердобольных прохожих, немного пособирают и уходят. На следующий день в другое время приходят или не приходят вовсе. Стараются стоять там, где не очень и удобно вроде бы, поэтому не создаётся впечатление какой-то стационарности, чтобы выглядело так, будто шёл человек, обеднел, остановился, достал стаканчик и стал просить.

А те, кто на службе, так и просят с утра до вечера, кто на билет, кто просто ради Бога, а кто на операцию себе или ребёнку, и на тех же самых местах стоят или сидят, пока их не переведут «толстые» на другие точки. У кого – таблички с надписями, а кто повторяет заученный текст. Полиция ни разу к нищим не подходила, ни с проверкой, ни с вопросами. Видимо, и правда есть договорённость со всеми инстанциями. Надо же, а раньше она и не замечала такого массового нищенствования на улицах.

Несколько раз видела разведчица, как подходили прилично одетые люди к просящим и забирали выручку. Наблюдала она так, чтобы не быть замеченной, об этом тоже её бабулька предупредила.

Наконец пришло время и Семёновне отважиться на дерзкий эксперимент. Помня, что надо одеться бедно, но при этом аккуратно, поняла, что особенно стараться нет смысла, поскольку все наряды у неё более чем скромные, однако заштопанные и чистые. Одевшись, посмотрела она на себя в зеркало, увидев своё скорбное и вместе с тем доброе лицо, поняла, что и тренироваться незачем. Только как-то ей стало не по себе.

Сделав над собой усилие, успокоила себя тем, что умных людей надо слушать, а бабулька явно недюжинного ума, раз надоумила её, как деньги буквально из воздуха делать.

Приехала на Новослободскую. Время – одиннадцать часов. Вышла из метро, повернула направо и, пройдя немного, встала у стены дома, ближе к проходу между тем домом и торговым центром.

Стоит со стаканчиком. Никто не спрашивает, почему просит; просто идут мимо, кто-то подаёт, кто-то – нет.

Несколько стаканчиков поменяла. Простояла часа два с половиной.

Вдруг услышала громкий смех, посмотрела в том направлении, откуда смех доносился, и увидела троих слепых, девушку и двоих парней, которые шли и держались за плечо впереди идущего. У Семёновны сердце защемило, и дышать стало трудно, в памяти всплыл фильм, но название ей никак не удавалось припомнить, в том фильме слепых именно таким образом показывали. Смеющиеся слепые ребята, которых она увидела, так и шли. Впереди – парень, за ним – девушка, замыкающий – опять парень. В руках у них – белые палочки. Двигались небыстро, но уверенно. Один из автомобилей выезжал на проезжую часть, другой стоял, а слепые шли между машинами. Тот, который выезжал, проехал совсем рядом с ребятами, а они так заразительно смеялись, просто заливались. Весело им, и молодые совсем, лет по двадцать.

– Надо же, водитель и не видит, что мы слепые, умора. Обхохочешься, – говорила девушка.

– Да уж, если бы видел, пропустил бы, – поддержал один из юношей.

– Здорово мы притворились зрячими... – сказала девушка.

Слепые ребята, одетые в джинсы и белые футболки, были такими чистенькими, симпатичными и светлыми. Семёновне стало жутко.

Смеющиеся молодые люди прошли между машинами и продолжили свой путь по тротуару, уже шеренгой, взявшись за руки, крайние ловко нащупывали дорогу палочками и уверенно продвигались. Они громко разговаривали, а женщина-нищенка смотрела, как они удаляются.

Никто на них внимания не обращал, кроме Семёновны. Всё это происходило метрах в пятнадцати от неё, будто нарочно, чтобы она видела.

«Господи, что же это? Я тут стою с руками, с ногами, всё вижу, слышу, лошадь здоровая, и милостыню прошу, а эти дети слепые... И так радуются, что их не задавили», – в отчаянии

думала она, и ком подступил к горлу. И почему-то именно в тот момент вспомнила, что она Надежда Семёновна Помогаева, в девичестве Жданькина. Вспомнила, как радовалась перед свадьбой, что у мужа такая замечательная фамилия. И сам он был, действительно, Помогаев. Да вот себе помочь не смог. А она всё на свете проглядела. И вот сейчас, так внезапно, осознала, что нерастроченной себе хочет найти применение.

Когда перестали её по имени звать, она теперь не помнила, и на вопрос, отчего своё имя сократила до Семёновны, ответить затруднялась. Может, и жизнь вся наперекосяк из-за этого пошла? Так она и смотрела вслед слепой молодёжи, пока не потеряла их из вида. И думала о том, что-то их ждёт в будущем, и будет ли оно у них, будущее? Но если они умеют смеяться, значит, определённо будет, сама-то она уж и забыла, когда смеялась. Опомнившись, словно проснулась от долгого сна, выбросила стаканчик и направилась к метро.

Вторая глава

Приехав домой, отправилась в больницу, где недавно лежала. Зашла к врачу, которая её лечила.

– Как хорошо, что я вас застала, – зайдя в кабинет, обратилась она к доктору. Даже не знаю, к кому идти, поэтому пришла к вам. Помогите, очень вас прошу.

– Здравствуйте. Что это вы, опять заболели? Давайте, садитесь, а то прямо лица на вас нет. Что-то случилось?

– Да. Случилось. Случилось. Просьба у меня к вам. Помогите, пожалуйста, информацию добыть.

– Вы, главное, успокойтесь. Какую информацию? Плохо себя чувствуете? Расскажите по порядку, – откладывая больничные карты, которые заполняла, сказала врач.

– Нет. Здорова я. У меня совсем другой вопрос, личный. Вы точно можете помочь, если не вы, то я не знаю, к кому...

– Успокойтесь, прошу вас. Говорите, в чем дело.

– Подскажите, как мне найти интернат для слепых детей, хочу туда на работу устроиться нянечкой, а может, и воспитателем возьмут. Очень я хочу там работать. Только не знаю, как адрес раздобыть, – быстро проговорила Надежда, удивляясь самой себе. Она никогда так быстро не говорила.

Врач, высокая полноватая женщина лет тридцати пяти, с умными глазами и волосами, собранными в хвост, заинтересованно смотрела на бывшую пациентку и видела перед собой целеустремлённую, уверенную женщину, теперь кардинально отличавшуюся от той вялой и растерянной Семёновны, которую она выписывала месяц назад.

– Удивили так удивили. Знаете что? Приходите завтра, а то у меня столько писанины сегодня накопилось, никак не смогу отложить. Сможете? Вечером обязательно вашим вопросом займусь, в интернете поищу информацию для вас. Признаться, так неожиданно, Надежда Семёновна. Ваш порыв настолько необычен и искренен, что невозможно отказать и отмахнуться от такой просьбы. Жду вас завтра в два часа.

– Спасибо вам, а я так волновалась, что рассердитесь и выгоните. У меня ведь и знакомых раз, два и обчёлся, а интернет для меня – словно Луна. Кроме вас, никто на ум не пришёл. Соседка моя только с собаками и кошками общается, в приюте для брошенных животных работает. Есть, правда, ещё одна знакомая, та, с которой мы вместе лежали здесь в больнице.

– Да, бойкая старушка-веселушка. Каждый квартал, почитай, лечит то одно, то другое. У нас её уже вся больница знает, она во всех отделениях побывала.

– Понимаете, что-то непонятное произошло со мной, когда увидела троих слепых молодых людей, – продолжала Семёновна. Она рассказала доктору, как стояла на улице, прося милостыню, и что её внимание привлёк юношеский весёлый громкий смех, после чего ей стало

стыдно, очень плохо и пусто, а потом откуда ни возьмись появилась нежность, которая заполнила собой всю её. И теперь никакой Семёновны, только Надежда Семёновна, любящая жизнь во всех её проявлениях.

– Кто же вас надоумил на побирушничество, дорогая вы моя? И потом это помимо всего прочего ещё и опасно.

– Одна дальняя знакомая, – уклончиво ответила Надежда Семёновна, не выдавая бабульку, о которой врач и рассказывала, а ведь именно та женщина фактически и подтолкнула её круто изменить свою никчёмную, никому не нужную жизнь, дав по меньшей мере странный совет.

По дороге домой она набрала номер новой приятельницы.

– Ну что, удалось подзаработать, Семёновна? Рада тебя слышать. Как сама?

– Меня ведь зовут Надеждой.

– Да ладно. Вот это да. Ну ничего себе. Что же ты, забыла о своей Надежде?

– Выходит, вспомнила, благодаря вам. Спасибо и будьте здоровы.

На следующий день Надежда Семёновна снова зашла в больницу. Получив координаты интерната для слепых детей в городе Л., она сразу отправилась за билетом на поезд, и через несколько дней уже ехала в тот самый город с определённой целью – встретиться с директором и устроиться туда на работу. Какая-то неведомая ранее сила прямо тянула её туда.

И вот Надежда зашла в кабинет директора интерната. Высокая женщина крепкого телосложения, с очень строгим лицом, встала из-за стола, пожала ей руку, представилась и предложила сесть. Возможно, суровым лицо директора было из-за глубокой складки между бровей, которые поэтому выглядели возмущённо сдвинутыми. Её седые волосы, заплетённые в косу, были аккуратно закручены в элегантный пучок. Голос оказался низким и приятным. Когда начался разговор, стало понятно, что бояться нечего, потому что Маргарита Игоревна приняла незваную гостью радушно, хотя и с удивлением. Улыбка делала её лицо не таким суперсерьёзным. В тот момент Помогаевой Надежде вспомнились слова бабульки про улыбку, и она тоже улыбнулась.

– Понимаете, заведение наше необычное, – говорила директор, – и не совсем ясно, как это вы, живя в Москве, вдруг решили работать у нас. Скажу прямо, таких, как вы, энтузиастов найти – большая удача для обычного интерната, а для нашего... так просто редкость. И самое странное то, что вас не интересует материальная сторона. Обычно с этого все начинают разговор. А вы, видно, что женщина порядочная, уж я, поверьте, в людях разбираюсь.

– Есть загвоздка. Видите ли, моё образование... Оно среднее специальное, педагогическое, но я работала в детском садике, саду. Недавно поняла, что именно в таком интернате хочу работать, со слепыми детьми, и раз мне удалось узнать именно о вашем интернате, то получается, что здесь и есть моё место. Вот я и приехала. Могу быть нянечкой для начала, а затем – может, и воспитателем получится.

– Где учились? – говорила директор, будто бы с самой собой, просматривая документы Семёновны, – так, среднее специальное, питерское, специальность «дошкольное воспитание». Ну что же, это как раз подходит. А если будет желание, то и подучитесь, можно же без отрыва. Почему нет? Вполне. Только мало кто хочет почему-то.

– А я думала, что поздно уже. Я... ещё читать очень люблю, классику в основном предпочитаю, много сказок знаю, – зачем-то добавила она.

– Это хорошо, это очень хорошо. Книги многим помогли в жизни. Учиться никогда не поздно, было бы желание. Ладно, Надежда Семёновна. Через неделю вы готовы приступить к работе?

– Да, да. Только домой съезжу, и обратно. Вещи у меня все там, в Москве. Нянечкой?

– Думаю, можно воспитателем, у нас есть дошкольная группа слабовидящих детишек. И с испытательным сроком в три месяца. С оплатой у нас не густо, но будут льготы. Жить можно в интернате. Это вас устраивает? Через неделю как раз освободится комната.

– Ещё как. Боже. Надо же, – сказала она и заплакала.

– Надежда Семёновна, должна предупредить, что слёзы не помогают в работе, особенно в нашей.

– Вы извините меня, я вообще-то не плакса, и всё понимаю, я сильная. Просто морально готовилась к нашему разговору. А вы так быстро меня приняли, несмотря на недостаток образования и возраст, не задавая никаких лишних вопросов.

– Возраст у вас вполне подходящий, главное, что вы здоровы и энергичны, да и образование у вас профильное, и ещё раз повторю, образование – дело наживное. Знаете, я в жизни многое испытала и разных людей встречала. В любом случае, будет испытательный срок, три месяца, вы ж понимаете. И у нас будет время узнать друг друга и поговорить. А сейчас... Вы уже купили обратный билет?

– Ой. Что-то я не подумала об этом.

Директор взяла телефон.

– Вадим Карпович, зайдите ко мне, пожалуйста, – и уже обращаясь к Семёновне, – мой заместитель, сейчас вас познакомлю, он у нас заведует малышами и младшими школьниками, завуч младшей школы, если быть точной.

Вошел седой мужчина, усы, закрывающие верхнюю губу, соединялись с аккуратно постриженной бородой, в которой седины было значительно меньше. Он был невысок и коренаст. Но главное в лице его – разноцветные глаза, один зелёный, другой – карий.

– Вызывали, Маргарита Игоревна?

– Знакомьтесь, наш новый сотрудник. Надежда Семёновна, Вадим Карпович, – они пожали друг другу руки. – Обо всём мы договорились, дальше вы уже сами вводите в курс дела, Надежда Семёновна будет воспитателем в вашем подразделении у дошкольников слабовидящих, а там посмотрим. Да. И ещё помогите купить билет в Москву, желательно на сегодня.

– На сегодня уже вряд ли, а вот на завтра точно.

– Я согласна на любой вариант.

– Хорошо. Пойдёмте, покажу интернат наш. И где вы будете жить. Как раз через неделю комната освободится. Вы с такими детьми работали раньше, в смысле со слепыми и слабовидящими?

– Нет. Работала со зрячими. А что, они прямо все слепые? И без родителей?

– Есть слепые и слабовидящие, у кого родители живы, но прав их лишили, есть сироты. У всех разные ситуации.

– А вы тоже здесь живёте?

– Я в своем доме живу, отсюда недалеко. Пойдёмте, я вам вашу группу покажу.

– Скажите, а почему комната освобождается, уволили кого-то?

– По собственному желанию воспитатель увольняется – замуж выходит, жених в другом городе живёт. Вот и дорабатывает последние дни. Жаль. Хороший работник. Вы на её место аккуратно и приехали, будто знали.

Билет удалось купить только на завтра. И завуч предложил переночевать у него.

– Да вы не беспокойтесь. Приставать не буду. Я мужчина спокойный.

– Что ко мне приставать-то? Я женщина ста... взрослая, – сказала Семёновна и покраснела. Она удивлялась, что это вдруг, ведь такого с ней вообще никогда не случалось, ни разу в жизни она из-за мужчины не краснела и, не смущаясь, называла себя старой. Вроде и не было ничего особенного в этом бородатом Вадиме Карповиче. Или было? Надо же. Зря, видно, говорят, что после пятидесяти баба не баба уже. Баба, ещё какая.

Вот такие мысли неожиданно посетили женщину, пока они молча шли к дому завуча.

– Пришли. Здесь я и живу.

– А жена ваша не будет возражать?

– Что это вы, Надежда Семёновна, только сейчас про жену спросили?

– Думала, сами скажете, а теперь вижу, что надо было раньше спросить.

– Жена... Ушла от меня в прошлом году. Теперь выплачиваю ей по решению суда её долю от имущества, совместно нажитого. Двенадцать лет мы с ней прожили. В позапрошлом году дочка её замуж за болгарина вышла и уехала к нему.

Когда мы поженились, я в обычной школе работал, затем стал завучем начальной школы. Думаю, для жены то, что произошло, было лишь поводом, она всё равно от меня рано или поздно ушла бы. Вижу, утомил вас. Вы издалека ехали, небось, и не обедали. Надо вас покормить.

– Когда было обедать-то? С поезда – сразу в интернат, опасалась, не застану директора. Разговора страшно боялась... Она на вид строгая, и голос у неё низкий, грудной, на мужской похож. И курит папиросы.

– Что, при вас курила? Она только при своих...

– Нет. Я пачку у неё на столе видела. Мой муж такие курил.

– Это да. На вид строгая. А с курением... Никак не бросит дурную привычку. Это у неё с детства.

– С детства? Знаете, я, как вошла к ней в кабинет, так поджилки и затряслись. Она вся седая, брови сдвинутые. А в глаза её посмотрела, сразу успокоилась. Глаза добрые-добрые. Так и оказалось. По глазам сразу видно, что за человек.

– Давайте поедим, Надежда Семёновна? Можно я вас буду без отчества?

– Можно, тогда и я вас. Только мне еды много не надо, ем я мало, можно чаю и хлеба.

– Как Дюймовочка, что ли? – улыбаясь, сказал он.

– Привычка. Всегда много работала, и забывала порой про обед. А теперь вот без работы осталась. А Маргарита Игоревна прямо так радушно меня приняла.

– Маргарита... Она такая. Просто бой-баба. Кто плохо работает, тому несдобровать. Её в коллективе у нас знаете, как зовут?

– Как?

– Босс.

– Мужчин же так называют.

– О, она – Босс. Но если человек к работе относится добросовестно, то опасаться нечего.

Семёновне все больше и больше нравился этот бородач; когда он улыбался, морщинки в уголках глаз походили на лучики, а из-за того, что глаза разного цвета, казалось, что он смотрит не в глаза, а как бы около них. И какой-то он был свой, миролюбивый и очень домашний.

– Хотите, я что-нибудь приготовлю? – вдруг вызвалась Семёновна, удивляясь себе всё больше и больше. И что это она вдруг?

– Готовить ничего не надо. У меня картошка, уже сваренная, селёдка, почищенная. Вино будете или водочки?

– Нет, нет, – вздрогнув, сказала она. – А вы любите?

– Выпить? А что, похоже? Не-е. С этим всё нормально.

– Рассказывайте дальше, а то мне до ужаса интересно.

– Так уж и до ужаса? Знаете, мне и самому хочется рассказать, уж больно всё как-то не складывается у меня. Вроде неплохой мужик, а жизнь дурацкая, глупее не придумаешь.

– Ещё как придумаешь, – задумчиво проговорила Семёновна.

– Хотел я мальчика взять на воспитание, Ваньку. А жена, как узнала, сразу и затеяла бракоразводный процесс. Не ожидал я от неё, столько сил потратил и средств на неё и её дочь. А она, как отсудила себе, что могла, дом, слава богу, у меня уже был, когда мы расписывались, не удалось ей и туда лапу свою запустить, так и уехала к дочери. Двенадцати лет совместной

жизни как не бывало. Просто нет и всё тут. Будто и не было никогда. Любил я её и верил ей, а она, выходит, просто дочь растила за мой счёт. В голове не укладывается. Ну, не бывает же так, чтобы любовь взяла и прошла. Хорошо, понятно, не согласна ты, но как же так сразу на развод-то? И ничего не выходит у меня. Понимаете, ничего. Не дают мне разрешения на опеку, а на усыновление – и подавно. Зачем я это вам?

– Из-за мальчика вы и в интернат пошли работать? Он что, слепой? – тихо спросила Семёновна и закрыла рот рукой.

– Из-за Ваньки. Плохо видящий, такой ему диагноз поставили, но неокончательно. Конечно, по-научному случай его сложно называется, я не хочу вас этим загружать.

– Сирота?

– Они всей семьёй, родители, сестра тринадцати лет и девятилетний Ваня, ехали на машине, вдруг из-за угла на большой скорости в них врывается пьяный водитель. Один Ваня и выжил, спасло сидение детское. Вся семья погибла у него на глазах, и пьяный водитель – тоже. Мальчик долго лежал в больнице с черепно-мозговой травмой, сначала без сознания, потом уже в сознании. Долго молчал, смотрел в одну точку. Я его навещал, с ним даже оставался в больнице. И в комнате он всё видел, и меня, и все предметы вокруг. А когда вышел в коридор, всё, ничего не видит. Остановился и говорит: «Не вижу ничего, только свет и тени».

Стали обследовать и так, и эдак. Говорили с ним, лечить пытались. А от чего лечить-то? Зрение нормальное. Что самое странное. В кабинете всё видит, а стоит из кабинета выйти, всё, как говорится: тушите свет, совсем слепнет. А по приборам зрение стопроцентное. Такая петрушка получается.

Родственников фактически нет, один он. И со зрением такое.

– Горе-то. Ой, горе...

– Да. Врачи говорят, это у него психосоматическое. Но пока сильные препараты не прописывают. Маленький он.

– Объясните, не понимаю. Я ведь не сильна в терминах. Специальную литературу никогда не читала, только художественную, но таких ситуаций там не встречала. Если герои слепли, то ничего и не видели, а вот так, частями... первый раз слышу.

– Так и я тоже ни разу о таком не слышал и не читал. А тут нате вам, такое с близким человеком. Ведь Ваня мне стал родным. А больше никого и нет. Понимаете, не хочет его мозг видеть мир таким: без родителей, без сестры. Но если у него будет новая семья, есть шанс, что он... В детском доме ему жить противопоказано. Не может же человек вырасти полноценной личностью, не выходя из комнаты, будучи и зрячим, и здоровым. А из комнаты и тем более на улицу Ваня может выходить лишь в сопровождении, и только со мной. Больше – ни с кем, до истерики доходило, уж перестали и пробовать.

– Я и работать туда перешел, чтобы разобраться, помочь ему. Опыт у меня колоссальный жизненный.

Ой. Надежда Семёновна. Так вот сразу всего и не расскажешь. Решено прекратить обследование на год, надеются, что со временем состояние Ваниной психики улучшится. Моё мнение таково, что ему надо в семье жить, без этого условия не будет улучшения, а наоборот, постепенно, он и в комнате перестанет видеть, и тогда начнутся необратимые процессы. Но год... Нужно срочно его из интерната забирать и на дому обучать. Я же и бороду отрастил, когда все события, о которых я вам рассказал, произошли. Перестал бриться, а потом в зеркало посмотрел, вроде так солиднее выгляжу. Мне сорок восемь ведь, а с бородой и усами кажется, что больше. И поседел тоже вот так за два года. А вы подумали, что старый дед перед вами? Вы-то вон какая симпатичная. Прямо тургеневская девушка бальзаковского возраста. Поди, поклонники прохода не дают?

– Скажете тоже. Какие поклонники? У меня их и не было никогда. Мужчины сквозь меня смотрят. Мне ведь пятьдесят семь стукнуло.

– Да? А выглядите... На все сто...

– Как на сто?

– Ну, в смысле на сто процентов, – улыбнулся Вадим Карпович, и лучики вокруг его разноцветных глаз сделали лицо добрым-добрым и почему-то родным.

– А. Теперь поняла. Спасибо, конечно, за комплименты ваши, только непривычная я к ним.

– Про возраст вы всё-таки обманываете, чтобы не приставал?

– Зачем смеётесь надо мной? Прямо в краску меня вгоняете.

– Знаете, я не умею этого. Что думаю, то и говорю. А если женщина краснеет, значит, она молодая. Так что, уважаемая, годы ваши вам врут.

Они замолчали, так и сидели, глядя друг на друга. Она думала, что надо бы уйти для приличия, а он – хоть бы не ушла.

– Мы же поесть собирались, – спохватился Вадим Карпович, – что-то я проголодался. Кофе я не пью, зато завариваю вкусный чай с мятой, она у меня в огороде растёт, ароматная...

Семёновна следила за его спокойными движениями и удивлялась, как это жена могла его оставить. Так с ним легко и спокойно.

– Всё хочу спросить и не решаюсь, – первым заговорил Вадим Карпович.

– Спрашивайте, чего уж.

– Вы замужем?

– Вдова я, вот уже шесть лет, как мужа похоронила. Серёжа мой спился, в общем, пьянство его сгубило. Понимаете, пил, пил и...

– Бывает, – задумчиво проговорил Вадим Карпович, закручивая ус правой рукой, – и что же, вы так одна и живёте? Или есть кто?

– Кто?

– Вы извините меня за бестактность, пожалуйста. Что-то я расслабился, вопросы задаю неподобающие.

– Одна я живу, одна. Перестаньте извиняться, а то засмущаюсь совсем.

– А к нам-то каким ветром вас из Москвы занесло, тем более в наше заведение?

Слово за слово и рассказала она, как сначала стала Семёновной, и как обратно превратилась в Надежду.

Он слушал внимательно, не перебивая и не задавая вопросов. А она будто бы самой себе рассказывала, снова переживая своё превращение.

Когда замолчала, Вадим Карпович, опять закручивая ус, заговорил:

– Да. Вот и я Ваньку хочу спасти. Знаете, столько книг разных прочёл, со специалистами разговаривал. Я же педагог по образованию, нам там и психологию преподавали. А Ванин случай – просто чистая психосоматика. Это я, кажется, говорил. Так ему семья нужна. Слушайте, Надя, только не обижайтесь, обещайте, что не обидитесь.

– Что-то хотите спросить? Думаете, я алкоголичка, вместе с мужем пила? Нет, не пила, у меня аллергия, не принимает мой организм алкоголь, понимаете, ни в каком виде не принимает.

– Нет. Не то. Так что, не обидитесь?

У Семёновны сердце так забилося, что вот-вот выскочит.

– Да говорите уже.

– Давайте распишемся. А? Дом у меня хороший, с удобствами, и отопление есть, и водопровод. Машина, правда, старая, но есть.

– А у меня – квартира в Москве однокомнатная и ещё дом в деревне, в самом дальнем Подмоскowie, развалюха, конечно, и туалет – на улице, и вода из общего колодца, но всё-таки продать можно. Ваню возьмём. Кто бы рассказал, не поверила бы, что такое бывает.

– Так вы согласны?

Она, прослезившись, шёпотом сказала:

– Это сон?

– Согласны?

– Да.

– Только не передумайте, мы с Ванькой будем вас ждать. А хотите, сходим к нему?

– Он же меня не увидит.

– В комнате увидит. Погода хорошая. Время – шесть часов, познакомимся, немного погуляем, отличная идея. Это вы меня вдохновили на прогулку. Давно я, знаете ли, не гулял, да ещё с такой симпатичной женщиной. Работа – дом, и всё бегом. А тут – вы. Вы даже не представляете себе, какая вы замечательная. И имя у вас такое красивое. Вы нам с Ваней просто, можно сказать, с неба упали.

– Мне никто таких слов не говорил. Пойдёмте на улицу, больше не могу в доме, надо на воздух выйти.

Вечерний провинциальный город. Июньская ярко-зеленая листва. Ватные облака плыли так медленно, как это бывает только летом в отсутствие ветра.

Надежда и верила, и не верила в то, что с ней происходило, и даже немного как будто наблюдала за всем этим со стороны. Слишком всё было для неё ново и неожиданно.

Они шли и по дороге разговаривали. Вадим Карпович вкратце рассказал про свою нелегкую жизнь.

Мать и отец у него были слепыми. Мама ослепла в детстве после кори. Папа в армии повредил глаза. Воспитывала Вадима Карповича бабушка. Когда она умерла, ему было одиннадцать лет. Тогда-то он и оказался в интернате. А после совершеннолетия стал жить с родителями и взял над ними опеку. Работал, учился на вечернем. Двое инвалидов на руках. Таким удивительным оказался этот гордый добряк-бородач.

– И учились в этом городе? – спросила Семёновна.

– Да. В педагогическом. Жили мы с родителями в соседнем городе, там высших учебных заведений не было. Между прочим, Босс тоже детдомовская. Когда я в интернат попал, она училась в восьмом, а я в пятом. Как-то на меня трое старшеклассников напали за школой. Она налетела с палкой на них, орала, даже кусалась. Отбила меня, тут и учителя прибежали. Старожилы интернатные хотели по-тихому меня подмять под себя. А Марго своими криками и воплями привлекла внимание всех. Тогда мы и подружился с ней. После того случая её Боссом и прозвали. Она круглая сирота с рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.